

Пахнет веками овражная глина

ДАВНИЕ ЗВУКИ

Никуда от памяти не деться —
Возникают звуки, боже мой...
Это же доносится из детства
Цоканье копыт по мостовой.

Знаю, то не сказочные тройки
Колокольчиком из-под дуги,
А безут цемент для
новостройки
Заводские кони-битюги.

Ясно вижу улицы-руины
С высоты заливенской горы,
Где ведут работать конвоиры
Пленную колонну немчуры.

Я за нею побегу вдогонку —
Увлекает любопытства зов...
Ташат кони, ташат пароконку,
Затихает цоканье подков.

А потом услышу за горсадом,
У завалов, звон и стук лопат...
Я доволен — немцы под
приглядом.

Поглазею и вернусь назад.
И почую сладкий дух акаций
У забора отчего двора...
Напряжённю лягают
на станции
От толчков вагонов буфера.

Храп коней, сопенье
паровоза,
Годы повсеместного труда...
Это не поэзия, а проза —
Выходить из детства
навсегда.

МОЯ ПЕРЕСЫХАНКА*

Спит протяжно заводской
гудок,
Смолкают звуки птичьей
перебранки.
Тьму вытесняет
заревой поток
На улице моей —
Пересыханке.

Наш дом стоит напротив
проходной.
Голодный год — всего на свете
мало...
Ещё я чую дым пороховой
В сгоревшем танке
около вокзала.

Спешат рабочие
на ранний зов
(Грязь обойти — и тут нужна
сноровка),
Шагают мимо шлаковых
домов
В замызганных фуфайках
и спецовках.

Рать трудовая движется
к станкам:
За братом — брат, сосед ли
за соседом,
И по мужским щетинистым
щекам
Скользит не лучик солнца,
а Победа.

В кузнечный цех уходит мой
отец,
А следом мать — работать
до потёмков.
Пищит сестрёнка
младшая — птенец,
Да и у старшей голосишко
тонок.

Двор опустел, лишь
изредка щенок
В дверную щель
просовывает лапу,
Но я сижу, готовлю
свой урок
Под тусклым светом
трехлинейной лампы.

Зовёт меня заборная дыра
Лучами солнца в радостные
дали...

Бежит шумливо в школу
детвора
По кирпичам исхоженных
развалин.

Гудок смолкает, слышатся
грачи,
По небу облака ползут, как
рохли...
Во мне с тех пор овражные
ручьи
Журчат, журчат — нигде
не пересохли,

* Пересыханка — обиходное на-
звание местечка в старой ча-
сти Орла

НА ОТЦОВЩИНЕ

Пахнет веками овражная
глина.
Сыплется свежая, словно
для памяти...
Вот она Родина — та, что не
сгибла,
С куполом храма на
древнем фундаменте.
Тонет в садах городская
окраина,
Вынырнуть хочет среди
перелесков
Вместе с грачами, которых
надраила
Кремом сапожным
до яркого блеска.

Рядом завод напряжённю
рокошет,
Дышит станками на полную
мощность.
Здесь я когда-то трудился
рабочим,
Утром вливался в чумазую
общность.

В общность надёжную,
данную Богом.
Зря говорят, что исчезла,
разбита...
Как же схлестнулись друг
с другом надолго
Дух трудолюбца и дух
паразита!

Бой продолжается —
вижу по лицам:
Стало улыбок побольше,
чем жмури.
То ли Христос растворяется
в ливенцах,
То ли расчётливый, хитрый
Меркурий...
— Кто мы? Откуда? —
несётся нередко
Глупость вопросов в
газетном разливе.
Лично я знаю по
собственным предкам:
Русским родился, а родом
из Ливен.

ПОПУТЧИК

Призрак ветра в ночи.
Дым печной лезет с крыш.
Из Орла мчится поезд
в Воронеж.
«Что ты бродишь, старик,
и не спишь?»

Что ты бродишь?»
Он угрюмо молчит.
Сигарету вставляет
в мундштук —
Неизменный свой недруг
и кореш.
«Чем тебя растревожил
колёс перестук?»

Что ты смотришь?»
Ничего не видать за окном.
Лишь луна устремляется
ввысь,
Да навстречу сугробы летят
словно кони.
«Ляг на нижнюю полку,
уймись!

Что ты вспомнил?»
В тамбур вышел курить,
Про себя бормоча: «Сгибла
Русь...»
Совість, что ль, нечиста?
Прячет очи...
«Ну, старик, погоди,
я с тобой разберусь,
Надоел — нету мочи».

Засыпаю, согретый вином.
Доконала усталость вконец.
Вижу лампу и стол, рядом
мелкая яма.
Сочиняет донос беспоконный
юнец
На Мандельштама.

